

## Марксизм о происхождении государства, его эксплуататорской сущности и государстве переходного периода

На прошлом семинаре, посвященном марксистской теории разделения труда, мы напомнили марксистское положение о том, что исторически общественное разделение труда наряду с экономической областью постепенно охватило все другие сферы общества, в том числе и сферу управления. Везде оно заложило основу узкого профессионализма и специализации, т.е. по Марксу, «профессионального кретинизма».

Маркс считал государство обособленным от общества организмом в силу разделения труда. Еще в «Критике Готской программы» он разъяснял: **«Что под "государством" на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм»...**

Поэтому, говоря об эксплуататорской сущности государства, марксизм имеет в виду государство не как территориальную единицу со своим населением, а, прежде всего, государство, как правительственную машину, как учреждение публичной власти.

Энгельс в «Анти-Дюринге» заметил, что разделение труда **«не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс».** (См. Анти – Дюринг. С. 286).

Согласно марксистской теории, любое государство есть сила, происшедшая из общества в результате непрекращающейся борьбы ненавидящих друг друга классов, ставящая себя над обществом, все более и более отчуждающая себя от него и его эксплуатирующее.

Указанные положения коммунистической теории и их обоснование содержится в совместных произведениях Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» и «Манифест коммунистической партии», в труде Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в его работе «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного Товарищества Рабочих», в письме к Кугельману 1871 г., в письме Бракке 1875 г. известном под названием «Критика Готской программы», и в ряде других писем. Этой проблеме посвящены такие работы Энгельса, как: «Письмо Теодору Куно 24 января 1872 г., книга «Анти-Дюринг» 1878 г., книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» 1884 г., письмо Бебелю 1886 г. и ряд других писем. Проблема рассмотрена также в известном труде Ленина, написанном им в сентябре 1917 г. под названием «Государство и революция» и в ряде других его работ, посвященных советскому государству и советской власти.

Наиболее подробно и системно рассматриваемая проблема раскрыты Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В предисловии к этому произведению, созданному Энгельсом на следующий год после смерти Маркса, он писал: **«Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего - в известных пределах я могу сказать нашего - материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс».**

МОРГАН (Morgan) Льюис Генри (1818-81), американский историк и этнограф, исследователь первобытного общества. Он утверждал идею прогресса и единства исторического пути человечества. Первым показал значение рода как основной ячейки первобытного общества; обосновал положения о развитии собственности от коллективных форм к частным и об эволюции семьи и брака от групповых форм к индивидуальным. В 1877 г. в Лондоне была издана его книга "Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации".

Морган каждый из этих периодов разбил на три ступени: низшую, среднюю и высшую. Эта периодизация и была взята основоположниками коммунистической теории за основу.

Согласно марксистским исследованиям, подтвержденным исследованиями Моргана, государство произошло не от бога, оно является продуктом исторического развития материальных производственных отношений. Вот как это выразил Энгельс: **«Итак, государство неким образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также**

«действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом... И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство...».

Исторические исследования выявили тот факт, что государство возникло в результате разложения родового строя. Род представлял собой самоуправляющуюся коммунистическую, домашнюю полигамную общину с женщиной во главе (матриархат).

**«И что за чудесная организация, восхищается Энгельс, - этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов - все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, - родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть... домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам... Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть - коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, еще и порабощения чужих племен.**

На средней ступени варварства, с развитием естественного разделения труда, отделением пастушеских племен от других варваров, происходит переход от полигамной семьи к моногамной, от парного брака к единобрачию. Вместе с приобретением стад и прочих новых богатств, вместе с появлением обмена и рабов в семье произошла революция. Во главе отдельной семьи становится мужчина. Появляется собственность на отдельные продукты труда. Собственником становится мужчина. Возникает и развивается его власть в семье.

Почему это произошло? Энгельс объясняет это следующим образом: **«Промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. Ранее «дикий воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины», теперь "более кроткий" пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье обуславливало распределение собственности между мужчиной и женщиной ...оно совершенно перевернуло теперь существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме - ограничение ее труда домашней работой, - эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины...**

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Женщины и дети постепенно становились рабами мужчины. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»...

Конечно, термин «право» здесь Энгельс употребляет как образное выражение, так как в тот период, о котором идет речь, никакого права еще не было. У Энгельса ранее по этому поводу в цитируемом произведении имеется соответствующее разъяснение.

Разложение родового строя происходило в период варварства. Родовой строй разрушала патриархальная семья, т.е. семья во главе с мужчиной, накапливающим имущество в свою собственность, благодаря произошедшему разделению труда, росту производства и обмена. Рост производства требовал дополнительных рук. Пленных стали превращать в рабов и использовать рабский труд. Энгельс отмечает, что в это время **«различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, - с новым разделением труда возникает новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям - сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.**

Что же представляла собой родоплеменная система самоуправления?

Например, у американских индейцев род выбирал старейшину для мирного времени и вождя (военного предводителя). Род по своему усмотрению смещал старейшину и военного вождя. Род имел совет - демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, обладающих равным правом голоса. Он был верховной властью в роде. Постоянной армии не было. Защита и нападение осуществлялись самим вооруженным народом.

Несколько родов образовывали фратрию, а несколько фратрий объединялись в племя.

Племена могли вступать в союз. Органом союза был союзный совет старейшин, равных по положению и авторитету, этот совет выносил окончательные решения по всем делам союза.

Голосование производилось по племенам, так что каждое племя и в каждом племени все члены совета должны были голосовать единодушно, чтобы решение считалось действительным.

Заседания происходили в присутствии собравшегося народа, каждый мог взять слово, решение же выносил только совет.

В союзе не было никакого единоличного главы, никакого лица, возглавлявшего исполнительную власть.

Зато союз имел двух высших военных вождей.

У греческих племен и мелких народностей постоянным органом власти также был совет и народное собрание. Собранию принадлежала верховная власть в последней инстанции. Избирался военачальник.

Таковы были основные черты родоплеменного управления, которое еще не знало разделения населения по территориям. Не знало оно публичной власти чиновничьей бюрократии, опирающейся на аппарат насилия: постоянную армию, полицию и суды. Не знало оно и идеологической поддержки власти духовенством.

Но на известной ступени развития в силу известных объективных причин родовая система оказалась более неспособной управлять обществом без отделенной от общества власти, как организованного насилия, идеологически поддерживаемого церковью. На смену родовому строю пришло государство.

В рассматриваемом произведении Энгельс перечисляет отличительные признаки государства. **«По сравнению со старой родовой организацией, указывает он, - государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...**

**Вторая отличительная черта - учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы...».**

По Марксу, Для осуществления своих функций государственная, (т.е. публичная) власть располагает правительственной бюрократией, постоянной армией и полицией, в том числе и

политической, судебским сословием и духовенством, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда.

Таким образом, признаками государственной власти являются: правительственной бюрократия, постоянная армия и полиция, судебское сословие и духовенство, как идеологическая поддержка власти.

Как же исторически складывался первый, территориальный признак государства?

**«Возрастающая плотность населения, - пишет Энгельс, - вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа».**

Происходит это потому, что племена стали вести постоянные войны с целью грабежа других неродственных племен.

Кроме того родовой строй **«оказался бессильным перед лицом новых элементов, развившихся без его участия».** Если ранее члены одного рода или хотя бы племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими, то это давно уже прекратилось. **«Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы. Достигнутая лишь к концу средней ступени варварства оседлость населения то и дело нарушалась изменениями в его составе и частой переменой местожительства, обусловленными торговой деятельностью, сменой рода занятий, отчуждением земельной собственности. Члены родовых объединений не могли уже собираться для рассмотрения своих собственных общих дел; кое-как улаживались еще только незначительные дела, такие как проведение религиозных празднеств. Наряду с потребностями и интересами, обеспечивать которые были призваны приспособленные для этого родовые объединения, в результате переворота в условиях производства и вызванных им изменений в общественной структуре возникли новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению труда, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов, но каждая из этих групп состояла из людей самых различных родов, фратрий и племен, включала даже чужестранцев; эти органы должны были поэтому возникать вне родового строя, рядом с ним, а вместе с тем и в противовес ему. - И в каждом родовом объединении сказывалось, в свою очередь, это столкновение интересов, достигавшее своей наибольшей остроты там, где богатые и бедные, ростовщики и должники были соединены в одном и том же роде и в одном и том же племени, - К тому же имелась масса нового, чуждого родовым общинам, населения, которое могло стать силой в стране, как это было в Риме, и притом было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в основанные на кровном родстве роды и племена. Этой массе родовые общины противостояли как замкнутые, привилегированные корпорации; первобытная естественно выросшая демократия превратилась в ненавистную аристократию - Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков, - общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большее только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием - расколом общества на классы. Он был заменен государством».**

Как возникла и стала развиваться государственная (публичная) власть?

Энгельс объясняет: « Военный вождь народа - rex, basileus, thiudans - становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабёж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведётся теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом...

Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы "имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода" (Маркс) и если бы в результате распространения рабства добывание средств к существованию собственным трудом не начало уже признаваться делом, достойным лишь раба, более позорным, чем грабёж».

Энгельс показал, как зарождалась публичная (государственная) власть у греков, римлян и германцев, особенно на примере афинян. «Возникновение государства у афинян, - отмечает он, - является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего... с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества и, наконец, потому, что нам достаточно известны все существенные подробности образования этого государства».

Энгельс отмечал, что Афины на момент образования общей государственной территории располагали лишь народным войском и флотом, который выставлял непосредственно народ. Войско и флот были защитой от внешних врагов. Они держали в повиновении рабов, которые уже тогда составляли значительное большинство населения.

Затем стала зарождаться отделенная от народа государственная власть. «По отношению к гражданам, - пишет Энгельс, - публичная власть первоначально существовала только в качестве полиции... Афиняне учредили, таким образом, одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников - ландъегерей, как их называли»...

Таким образом, публичная (государственная) власть отделялась от народа. Она стала представлять собой организованное насилие одной части общества для подавления другой. Она стала необходимой в основном для подавления рабов и поддержания интересов господствующего класса рабовладельцев.

«Политическая власть в собственном смысле слова, - говорится в Манифесте коммунистической партии, - это организованное насилие одного класса для подавления другого». (См. «Манифест коммунистической партии». С. 47).

«Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан - налоги. Последние были совершенно не известны родовому обществу. Но мы теперь их знаем, - пишет Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», - достаточно хорошо. С развитием

цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает займы, государственные долги...».

Публичная власть усиливалась по мере того, как обострялись классовые противоречия внутри государства.

Раскрывая сущность чиновников-управленцев, представляющих публичную (государственную) власть, показывая то, как их развращает власть, Энгельс разъясняет: **«Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность...»**. И такие исключительные законы для государственных чиновников были изобретены. Они развращали властвующих чиновников. Поэтому классиками был сделан вывод, что **любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно**.

Более того, Маркс пришел к выводу, что бюрократия превращает правительственные должности в свою частную собственность.

Затем Энгельс показывает классовую сущность государства с его публичной (государственной) властью. Он резюмирует: **«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством само-могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство - органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом...»** Под представительным государством Энгельс имеет в виду буржуазное государство.

Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отмечали, что **«современной частной собственности соответствует современное государство, которое, посредством налогов, постепенно бралось на откуп частными собственниками и, благодаря государственным долгам, оказалось полностью в их власти; самое существование этого государства, регулируемое повышением и понижением курса государственных ценных бумаг на бирже, целиком зависит от коммерческого кредита, оказываемого ему частными собственниками, буржуа. Так как буржуазия уже не является больше сословием, а представляет собой класс, то она вынуждена организовать не в местном, а в национальном масштабе и должна придать своим обычным интересам всеобщую форму. Благодаря высвобождению частной собственности из общности [Gemeinwesen], государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его; но на деле государство есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы - как вовне, так и внутри страны - взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы...Новейшие французские, английские и американские писатели единодушно высказываются в том смысле, что государство существует только ради частной собственности, так что эта мысль уже проникла и в обыденное сознание»**.

Таким образом, современное буржуазное государство существует ради буржуазной частной собственности. Это открытие марксизма не потеряло своей актуальности и сейчас.

**«Кроме того, - пишет Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», - в большинстве известных в истории государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство - это организация имущего класса для защиты его от неимущего. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на имущественные категории. Так было и в средневековом феодальном государстве, где степень политического влияния определялась размерами землевладения. Это находит выражение и в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низшую ступень государственного развития»**.

Далее Энгельс дает характеристику власти в форме буржуазной демократической республики: «Высшая форма государства, - пишет он, - демократическая республика, становящаяся в наших современных общественных условиях все более и более неизбежной необходимостью и представляющая собой форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, эта демократическая республика официально ничего не знает о различиях по богатству. При ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников – классическим образцом является Америка, с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу...

Наконец, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права. До тех пор пока угнетенный класс – в данном случае, следовательно, пролетариат – еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте классов капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но по мере того как он созревает для своего самоосвобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право – показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты, будут знать, что делать...».

В данном случае Энгельс имеет в виду насильственное взятие рабочими власти для коммунистических преобразований, которые только и могут избавить рабочих от эксплуатации. Чтобы осуществить такие преобразования необходимо деспотическое вмешательство в буржуазные производственные отношения с целью уничтожения отношений частного присвоения и ликвидации всяких классов.

Пролетариат сделать этого без своего государственного аппарата не сможет. Поэтому пролетариат в ходе революции вначале должен сломать буржуазную государственную машину, а затем создать новую, совершенно иную. Но какую?

В «Гражданской войне во Франции» Маркс отмечал: «**Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием, - органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, - существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения - весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство, будучи подчинено парламентскому контролю, то есть непосредственному контролю имущих классов, не только превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов; оно не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекли к нему предоставляемые им доходы и влиятельные и выгодные должности, - вместе с экономическими изменениями в обществе изменялся и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства».**

В «Манифесте коммунистической партии» говорится: «**Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».**(См. Манифест коммунистической партии. С. 12).

Вопрос о сломе буржуазной государственной машины, национальной власти капитала, как основной задаче грядущей народной революции, Маркс вначале поставил в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанной в декабре 1851 - марте 1852 г. и

напечатанной в 1852 г. в Нью-Йорке. В этой работе Маркс указывал: **«Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее».** (См. К. Маркс к Ф. Энгельс. Соч.Т. 8. С. 206).

В 1871 г. в письме к Кугельману Маркс повторяет, что пролетарская революция должна **«... не передать из одних рук в другие бюрократически- военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее... – таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте».** (См. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М. 1947. С. 263). Затем пролетариат должен создать новую государственную машину для осуществления своей диктатуры.

Против этого марксистского положения в среде революционеров выступили анархисты во главе с Бакуниным, которые считали необходимым сразу уничтожить государство в ходе революции, заменив его вечевым самоуправлением. В этой связи в письме Теодору Куно 24 января 1872 г. Энгельс разъяснял: **«В то время как основная масса социал-демократических рабочих вместе с нами считает, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы – землевладельцы и капиталисты – для защиты своих общественных привилегий, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо, прежде всего, упразднить государство, и тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: упраздните капитал – присвоение немногими всех средств производства, - и тогда государство падет само собой. Разница существенная: упразднение государства без осуществления прежде социального переворота - бессмыслица; упразднение же капитала – это и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства».**

Оппортунистическая часть социал-демократии наоборот предлагала использовать прежнюю буржуазную государственную машину. Против чего также выступали Маркс и Энгельс.

**«В этих словах: "сломать бюрократически-военную государственную машину",** - разъяснял Ленин, - заключается, кратко выраженный, главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, "толкованием" марксизма...!

**«Интересно отметить особо , - продолжает Ленин,- два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной без предварительного условия разрушения "готовой государственной машины".**

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия, и Америка, крупнейшие и последние - во всем мире - представители англо - саксонской "свободы" в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке "предварительным условием всякой действительно народной революции" является *ломка, разрушение* "готовой" (изготовленной там в 1914 1917 годах до "европейского", общеимпериалистского, совершенства) "государственной машины». (См. Государство и революция).

Чем же должна быть заменена буржуазная государственная бюрократически-военная машина?

Марксизм исходит из того, что сломанная буржуазная государственная машина должна быть заменена пролетарским государством типа коммуны.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс писал: **«Коммуна была прямой противоположностью французской империи. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой такой республики...**

Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли



рабочие. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы.

Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое - чиновники всех остальных отраслей управления.

Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих.

Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, служившую только маской для их низкого подхалимства перед всеми сменявшими друг друга правительствами, которым они поочередно приносили присягу на верность и затем изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время.

Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, - такое утверждение было сознательным подлогом, - а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам.

Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за

воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества.

Вместо того чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Итак, всеобщее избирательное право должно было служить народу не для того, чтобы избирать чиновников, стоящих над обществом и добывающих уважение к себе путем исключительных законов, а для того, чтобы передать государственно-властные функции ответственным и сменяемым в любое время слугам народа: рабочим, надсмотрщикам, бухгалтерам и другим управленцам за заработную плату рабочего.

Анализируя эти принципы в работе «Государство и революция» Ленин размышляет:

«Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной "заработной плате рабочего", эти простые и "само собою понятные" демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой "экспроприацией экспроприаторов", т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность...

«Коммуна - писал Маркс - сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество»...

Далее Маркс показывает ошибочность взглядов некоторых революционеров относительно сущности коммунального государства. Он отмечает: ..."Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht - разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации"...

Однако это не так. Маркс разъяснял: ..."Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост "государство", кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции"...

..."Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней".

Некоторые лидеры социал-демократии стали называть государство-коммуна народным государством. Эту позицию остро критиковали анархо-бакунисты. В этой связи Энгельс писал, что "анархисты колют нам глаза "народным государством"»...«Энгельс признает эти нападки постольку правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и "свободное народное государство»...

Так как государство есть лишь преходящее учреждение, - разъяснял Энгельс в письме Бебелю, - которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы, поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: "община" (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову "коммуна" (См. Государство и революция).

Далее Ленин рассказывает о том, что Бебель ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что "вполне согласен" с его суждением... Но если взять брошюру Бебеля "Наши цели", то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве: «Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. "Unsere Ziele", 1886, стр. 14). Так напечатано в 9-ом (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, - отмечает Ленин, - что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго "отучала" от революции».

Та же позиция была подвергнута критике в письме Маркса к Бракке 1875 г., известном под названием «Критика Готской программы».

В письме Маркс спрашивает авторов проекта, которые записали положение о свободном государстве при социализме: **«Свободное государство - что это такое? Сделать государство "свободным" - это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово "народ" со словом "государство", это ни капельки не подвинет его разрешения»**

Далее Маркс разъясняет: **«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».**

Следовательно, в переходный от капитализма к коммунизму период еще остается государство в форме коммуны и это государство **«не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».**

В связи с рассмотренной позицией марксизма о государстве коммунистам необходимо постоянно иметь в виду, что выражения: «народное государство», «народовластие» научно несостоятельны, они могут быть употреблены только как агитационное средство, так как государство народным не может быть по определению. Не может быть в классовом обществе и подлинной власти всего народа, так как организованное властью насилие всегда осуществляется господствующим классом по отношению к классу угнетенному. Не является властью всего народа и диктатура пролетариата. Поэтому установление диктатуры пролетариата или пролетарской демократии не является стратегической целью Коммунистической Революции. Диктатура пролетариата лишь инструмент для перехода к бесклассовому обществу, в котором не будет никакой диктатуры, никакой публичной власти, никакого письменного права, как возведенной в закон воли господствующего класса. Целью диктатуры пролетариата является упразднение классов, а с ним государства с его публичной (государственной) властью, и установление самоуправления, а не народовластия.

Таким образом, марксистская теория исходит из того, что коммунистическая революция должна сломать буржуазную государственную машину. На переходе от капитализма к коммунизму она создает свое пролетарское государство – коммуну. Коммуна или община – это государство переходного периода в форме диктатуры пролетариата, это переход от государственности буржуазной к самоуправляющемуся обществу без государства.

К сожалению, это марксистское положение было забыто советскими коммунистами.

История с очевидностью показала, что государство в форме коммуны не может развиваться в направлении отмирания государственности, будучи в окружении господствующих капиталистических стран, постоянно угрожающих его существованию, а также в условиях борьбы за необходимые предметы потребления, что ведет к бюрократизации государственного аппарата.

Энгельс указывал на кончину государства переходного периода при условии мировой коммунистической революции, достижении полного коммунизма, когда в результате развития производительных сил исчезнут разделение труда и обмен, а, следовательно, частная собственность и классы. Вместе с исчезновением классов исчезнет и классовая борьба. В повиновении держатся будет некого. Само собой отпадет надобность в машине подавления, которой и является государство с его публичной властью, в том числе и коммунальное государство. В этой связи Энгельс делает вывод: **«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной степени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой степени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»** (См. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Морган считал, что высшей степенью общественного управления, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука будет возрождение – **« но в высшей форме - свободы, равенства и братства древних родов»** (Морган, "Древнее общество", стр. 552). Такую же позицию занимали и основоположники коммунистической теории. А это значит, что на смену государству должно придти управление, подобное родовому, коммунистическому самоуправлению, только на более высоком уровне. Им, видимо, будет коммунистическое централизованное самоуправление. Но это уже отдельная тема.

#### **Выводы:**

1. Государство возникло в результате разделения труда и образования антагонистических классов, из потребности удержать в узде борьбу ненавидящих друг друга классов. Оно характеризуется разделением граждан по территориальным делениям и учреждением публичной (государственной) власти. Государство, есть по существу машина для поддержания господства интересов одного класса над другим, это машина для подавления сопротивления господствующему классу.

2. Публичная (государственная) власть – это опирающаяся на организованное насилие воля господствующего в обществе класса или слоя. Поэтому признаком государственной (публичной) власти является наличие бюрократии, постоянной армии и полиции, в том числе политической, а также судейского сословия и их идеологической поддержки - церкви.

Власть выходит из общества, становится над обществом, а затем эксплуатирует все общество.

Публичная (государственная) власть – есть разновидность общественного разделения труда на труд управленческий и управляемый.

Любая, стоящая над обществом власть, развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Это положение относится к любой публичной власти.

Правительственная бюрократия превращает государственные должности в свою частную собственность

3. Власть осуществляет свою регулирующую функцию с помощью издания норм поведения, правовых норм. Право есть «возведенная в закон воля господствующего класса».

4. Античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство - органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом

5. «Демократическая республика и всеобщее избирательное право показатель зрелости рабочего класса. Большего для освобождения рабочего класса она дать не может. Но этого достаточно для осуществления коммунистической революции в случае достижения точки кипения у рабочих».

6. В переходный период от капитализма к коммунизму государство не может быть ликвидировано сразу, как считали анархо-бакунисты. Пролетариат не сможет защитить революционные завоевания и осуществить деспотическое вмешательство в буржуазные отношения собственности без помощи государственного принуждения и авторитета власти.

Но пролетариат не может использовать и прежнее буржуазное государство с его чиновничеством, военно-бюрократической машиной, постоянной армией, полицией и судебным аппаратом

7. На место старой буржуазной государственной машины пролетариат должен создать новое государство переходного к полному коммунизму периода. Таким государством должно быть государство коммунального типа, государство диктатуры пролетариата.

8. Пролетарское государство, как и любое другое государство, по сути своей не может быть общенародным, так как его функцией является поддержание господства интересов класса, находящегося у власти. Поэтому требование *свободного народного государства* является научно несостоятельным.

9. Пролетарское коммунальное государство должно обладать следующими признаками:

- оно должно быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы;

- выборы центральных и местных органов власти осуществляются на основе всеобщего избирательного права по избирательным округам. Депутаты должны избираться из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Они должны быть сменяемы в любое время с простейшей процедурой отзыва той организацией, которая их выдвигала. Депутаты должны строго придерживаться точной инструкции своих избирателей;

- все руководители избираются и сменяются в любое время той организацией, которая их избрала. Высших государственных чинов не должно быть. Зарплата чиновника любого ранга не выше зарплаты рабочего, без всяких привилегий и выдачи денег на представительство.

- постоянного войска и полиции не должно быть. Они замещаются национальной гвардией, в основном, состоящей из рабочих, а в сельской местности - народной милицией с самым непродолжительным сроком службы;

-судейские чины должны избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми;

- церковь должна быть отделена от государства, а школа от церкви с экспроприацией всех церквей, поскольку они являются корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих;

- все учебные заведения должны быть бесплатными для народа и вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование становится доступным всем, но и с науки снимаются оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.